

Россия 1990-х ОТВЕЧАЛА НАШИМ ИНТЕРЕСАМ

Джордж Фридман

Кризис как конец десоверенизации

Когда я слышу разговоры о «частичной десоверенизации», я, честно говоря, не очень представляю себе, что бы это значило. Нация либо суверенна, либо нет. Европейцы игрались с подобной точкой зрения, но во время финансового кризиса каждая нация заявила о своем суверенитете и о своей собственной политике. **Проблемы решал не Брюссель, а Берлин, Рим, Париж и Лондон.** Так что «частичная десоверенизация» этих стран оказалась бессмысленной. Они вернули свой суверенитет и сами стали бороться с кризисом.

Сама концепция Евросоюза мне кажется несостоятельной. У него есть «президент», который не является главнокомандующим, и парламент, который не может повысить налоги. Я смотрю на **Европу как на системный альянс, в котором каждая держава сохраняет свой суверенитет и где более слабые страны были брошены более сильными во время кризиса.**

Впрочем, если говорить о России, то я надеюсь, что Россия выберет именно этот курс, поскольку это ослабит ее внутренне и увеличит степень непонимания таких вопросов, как национальная идентичность и система власти. Как американец, я думал, что 1990-е годы были как раз тем временем, по лекалу которого Россия должна быть организована. Теперь, однако, не могу представить, чтобы русские захотели бы ослабить свой суверенитет в обмен на какие бы то ни было выгоды, которые они гипотетически могли бы получить. Суверенитет — это что-то такое, чего довольно сложно добиться. Серьезные государства не экспериментируют с ним. Но для других государств такие попытки со стороны России были бы просто чудом!

Россия без союзников

Я также не могу представить, что Россия пойдет на создание союза с

Западной Европой, потому что веками Европа была чрезвычайно активна. Германия объединилась 20 лет назад — и никто в течение нескольких десятилетий не мог подумать, что это произойдет. Не будьте так уверены в том, что вы знаете, что будет с Германией через 20 лет. В прошлом хорошее отношение России к Европе выходило ей боком. Исходя из этого, я не думаю, что в Европе или США все-таки ждут появления какого-либо вида наднационального союза с Россией. Европейцы не хотят видеть ее в составе ЕС, и никто не хочет присутствия России в НАТО. Вряд ли и Россия должна стремиться в любое из этих объединений.

На Западе не существует общего видения того, какой должна быть Россия. Позиция Германии отличается от позиции Великобритании, и обе эти точки зрения не совпадают с позицией США. Я не думаю, что Россия может одновременно отвечать чаяниям как Германии, так и США. Я могу рассуждать с американской точки зрения: **мы хотели бы, чтобы в России существовала свобода инвестиций во все отрасли промышленности, а также не хотели бы никакого вмешательства в вопросы расширения НАТО.**

Я не могу представить себе какого-либо наднационального союза России и Запада, в котором место

Джордж Фридман — известный американский политолог, автор многих книг по вопросам глобальной геополитики. Среди наиболее известных его работ — «Следующие 100 лет», «Тайная война Америки», «Грядущая война с Японией», «На острие разведки», «Будущее войны».

В 1996 году Фридман основал и с тех пор бессменно возглавляет аналитический центр СТРАТФОР (STRATFOR), занимающийся сбором и обработкой информации по вопросам экономики, геополитики и безопасности с целью создания

стратегических прогнозов для своих клиентов, список которых является конфиденциальным. Влияние центра СТРАТФОР настолько велико, что в США его называют «теневым ЦРУ».

Штаб-квартира СТРАТФОР располагается в городе Остин, штат Техас. В штате организации работает несколько десятков человек — в основном выходцы из разведсообщества.

Впервые центр СТРАТФОР получил известность в дни косовского кризиса 1999 года. Тогда аналитические материалы СТРАТФОР пуб-

ликовались в ведущих американских изданиях, при этом сами материалы зачастую шли вразрез с официальной политикой администрации Билла Клинтона.

В прошлом году аналитики СТРАТФОР опубликовали доклад в котором утверждается, что после того, как США решат все свои проблемы на Ближнем Востоке, они перенесут основное внимание на бывший Советский Союз, и тогда развитие ситуации может пойти по еще менее благоприятному для России сценарию, чем в годы холодной войны.

России не было бы второстепенным по сравнению с партнерами. Россия не может открыть свою экономику европейским соседям, не избежав того, чтобы эти более развитые страны ее подавили. Кроме того, Россия должна помнить, что режимы меняются. Франция 1770 года была не такой, как в 1780 году, то же самое касается Германии 1930 и 1940 годов. И, конечно, Россия в 1980 году была не той же самой страной, как в 1990-м.

Поскольку режимы меняются, иногда непредсказуемо, то экономический и военный союз с другими странами подразумевает ставку на будущее существующих режимов. И точно так же партнеры России будут рассчитывать на будущее режимов своих союзников. **Я бы не стал приветствовать близкий союз США и России, потому что не могу предвидеть его эволюцию,** а Соединенные Штаты гораздо больше приспособлены к переменам, чем Россия.

Что же касается таких стран, как Индия, Китай, исламские страны, то в большинстве случаев интерес к России у них лишь поверхностный. Она с ними не взаимодействует, за исключением ряда экономических и военных вопросов. Мне кажется, что Китай и Индия не слишком много думают о России. Китайцев беспокоит Америка, а индийцев — Пакистан. Больше всех о России думает Иран, на-

деясь, что Россия поддержит его в борьбе против США и Израиля. Сокращение численности населения России вовсе не является фактором, который китайцы принимают во внимание, когда речь идет о Дальнем Востоке. Нынешняя численность населения не может помешать Китаю ассимилировать регион, если бы Китай того захотел, и если народу станет меньше, это ничего не изменит. Россия — региональная, а не глобальная держава. Центр Китая и центр России находятся далеко друг от друга. На данный момент Россия не оказывает серьезного воздействия на государство вне своего региона.

Ностальгия по девяностым

До последнего времени российская политика в основном была линейной. Россия фокусировалась на ближнем зарубежье и пользовалась своим влиянием в Иране и других странах региона для давления на Соединенные Штаты, чтобы те изменили проводимую ими на территории стран бывшего СССР политику. Но этого не произошло. **В самое последнее время риторика Москвы изменилась, но несущественно.** И это мы видим на примере Ирана. И, как мне кажется, было бы ошибочно думать, что стратегическая цель России заключается в возвращении в сообщество западных стран. Конечно же, эта цель не первоочередная.

У России есть свои национальные интересы, которые зачастую расходятся с интересами других стран. И это нормально. На данный момент, учитывая бесспорные перемены в экономической политике, Россия могла бы попробовать достичь ряда соглашений с Западом, но от России, как и от любой великой державы, можно ожидать политики следования своим национальным интересам.

На Западе, конечно, есть те, кто испытывают ностальгию по России 1990-х. И я среди таких людей. Такая Россия отвечала нашим интересам. Конечно, любой человек в любой стране скажет, что хотел бы видеть Россию такой же, как и его страна. Дело не в том, чего хочет Запад и даже не в том, чего хотят русские. Вопрос в том, какой Россия должна быть в контексте общих социальных и геополитических условий. И это — более централизованное государство с различными степенями контроля над обществом и экономикой, и региональная держава, защищающая свои региональные интересы.

Как американец, я, естественно, буду в восторге, если Россия пересмотрит свою внешнюю политику в соответствии с интересами моей державы. К несчастью, Россия при любом руководстве еще долго будет следовать своему собственному курсу. ■

Специально
для «Ярославской инициативы»